

Шэнь Янь и понятия не имел, что его только что заклеямили в недостойном «вербальном совращении представителя власти». Он лишь смерил взглядом подтянутый, высокий силуэт под фонарём и подумал, до чего же этот гад бесстыж.

Кроме школьных девиц, у которых красота оправдывала всё на свете, кому вообще сдалась его милость?

И всё же — как он здесь оказался?

Будто заранее знал, что Шэнь Янь решит прогулять.

Да ещё и позицию выбрал тютельница в тютельница.

Шэнь Янь скосил глаз на двух своих не слишком сообразительных приятелей, всё ещё торчавших по ту сторону забора.

Чжу Пэн и Го Ю принялись отчаянно махать руками, всем видом показывая, что шпионами не являются.

Впрочем, у этих двоих духу бы не хватило.

Шэнь Янь сдёрнул взгляд с забора и легко спрыгнул на землю.

Точка приземления оказалась чуть ближе, чем планировалось, — ровно перед Цинь Цзигуем. На глазах у противника Шэнь Янь подхватил с земли рюкзак, развернулся и пошагал прочь, даже не удостоив его лишним взглядом.

Демонстративный вызов так и сквозил в каждом движении.

Цинь Цзигуй, похоже, привык к подобному отношению. Лицо его не выразило ровным счётом ничего. Кончик ручки скользнул по бумаге, а голос прозвучал сухо и безразлично:

— Класс два-шесть, Шэнь Янь. Самовольный уход с занятий, побег через забор. Минус пять баллов за поведение.

Да забирай ты эти баллы хоть полностью, вообще плевать.

Шэнь Янь никогда о них не пекировался и шаг не замедлил.

Цинь Цзигуй окликать его не стал. Он неторопливо перевернул страницу и продолжил писать:

— Класс два-шесть, Чжу Пэн и Го Ю. Самовольный уход с занятий, побег через забор, пронос мобильных телефонов на вечернюю самоподготовку...

Шэнь Янь мгновенно замер.

Он обернулся и смерил Цинь Цзигуя тяжёлым взглядом:

— Ты чего добиваешься?

— Ничего, — ровно отозвался тот.

— Мой побег — моё дело, — процедил Шэнь Янь. — Они-то тут при чём?

— Ни при чём, — не стал спорить Цзигуй. — Если ты сейчас вернёшься тем же путём, к ним действительно не возникнет никаких вопросов.

Шэнь Янь:

«...»

Угроза.

Неприкрытая, наглая шантажная угроза.

Ему самому на школьные правила было плевать с высокой колокольни, но Чжу Пэну и Го Ю дома устроят знательную порку. Подставлять верных братьев Шэнь Янь не привык.

Однако и поджимать хвост перед Цинь Цзигуем казалось немыслимым.

Шэнь Янь замялся, но, решив не сдавать позиций, свирепо въелся взглядом в противника, пытаясь нагнать на того страху.

Ну да, страшно до ужаса.

Прямо-таки трехмесячный леопард на охоте.

Цинь Цзигуй с секундным ленивым удовольствием окинул его взглядом, после чего опустил глаза к блокноту:

— Завтра утром дневник дежурств ляжет на стол учебной части. Решайте сами.

Попадёт запись в учебную часть — считай, прощай чистая характеристика. В будущем это повлияет на оценки при поступлении в вузы, так что дело было куда серьёзнее обычного выговора и снятия баллов.

По ту сторону стены Чжу Пэн и Го Ю, услышав это, принялись судорожно колотить по кирпичам и стенать:

— Брат Янь! Остынь! Не делай глупостей! Подумай о нашей жизни!

— Да, Брат Янь! Настылять этим идиотам мы всегда успеем! Сбавь обороты, вернись, мы перегруппируемся!

— Я уже плашмя лежу на земле! Гарантирую, твои драгоценные подошвы не коснутся грязи!

— А если руки заболят перелезть — устрою фирменный массаж от Го!

— Вернись, Брат Янь!

— Брат!!!

Шэнь Янь, уже нацелившийся въехать Цинь Цзигую по физиономии, от этих воплей окончательно потерял настрой:

«...»

Хоть капля гордости у вас есть вообще?

Впрочем, какими бы бесхребетными они ни были, это его братья. Придётся вытаскивать.

Но лицо ронять нельзя.

Шэнь Янь гордо вскинул подбородок и нагло приподнял бровь:

— Ладно. Сегодня исключительно ради Чжу Пэна и Го Ю я не стану с тобой связываться. Но это в последний раз. Иначе я быстро покажу тебе, кто здесь настоящий босс.

Шэнь Янь вымахал под метр восемьдесят, обладая той самой яркой, хищной красотой, которая мгновенно бросалась в глаза. Когда он насмешливо изламывал бровь, в уголках его глаз

вспыхивала дерзкая, взъерошенная провокация.

Цинь Цзигуй же был сантиметров на восемь выше, и когда он опускал взгляд, от него веяло естественным, дающим спокойствием.

Шэнь Янь незаметно приподнялся на цыпочки, расправил плечи, пытаясь добавить себе солидности.

Взгляды скрестились, воздух между ними натянулся струной.

И тут Цинь Цзигуй ровно произнес:

— Ладно. Ты босс.

Шэнь Янь фыркнул:

— Ещё бы... А?

— Ты босс, так что перелезай обратно.

Цинь Цзигуй захлопнул блокнот, убрал одну руку в карман и холодно уставился на Шэнь Яня. Ни единая эмоция не отразилась на его лице.

Легко одержавший «победу» Шэнь Янь:

«...»

Чёрт, отчего же на душе ещё паршивее?

Ощущение складывалось точь-в-точь как при ссоре в парочке: девушка расpiraема праведным гневом, заготовила пламенную речь, чтобы устроить разборку по всем правилам, а парень лишь халатно бросает: «Ты во всём права», — начисто перекрывая ей воздух. И главное — с абсолютно фальшивым, пофигистичным видом!

Формально он вроде как уступил, и дави ты дальше — заслужишь репутацию вздорной истерички. Остаётся только подавиться собственным гневом.

Шэнь Янь едва не задохнулся от возмущения.

Но и просто развернуться и уйти он не мог: какими бы глупыми ни были Чжу Пэн и Го Ю, это

всё же две человеческие жизни.

Сжав зубы, Шэнь Янь издал сухой, ядовитый смешок:

— Ладно. Признал во мне босса — и молодец, послушный младший братик.

Последние слова он выделил особенно нажимисто, вложив в них максимальную дозу издевки.

После чего сдёрнул с плеча рюкзак, швырнул его за забор, лёгким рывком взлетел на стену и перемахнул на ту сторону, не оставив противнику ни малейшего шанса на ответный удар.

Просторная чёрная футболка взвилась от его ловкого, стремительного движения, на миг обнажив полоску узкой, подтянутой талии. На белоснежной коже под светом фонаря отчётливо темнел синяк.

Цинь Цзигуй чуть прищурился, прислонился спиной к столбчатому основанию фонаря и некоторое время молча смотрел на опустевший край стены, словно глубоко задумавшись.

Спустя пару минут он неторопливо вырвал исписанный лист из блокнота, сжал его в комок, небрежно швырнул в урну и пошёл прочь — в сторону, противоположную школьным воротам.

Вернувшись на территорию школы, Шэнь Янь пребывал в отвратительном расположении духа.

Сжав губы и метая молнии из-под лобья, он молча дошёл до класса, с грохотом выдвинул стул, развалился на нём, вытянув длинные ноги, и после паузы процедил:

— Го Ю.

Два ледяных слова.

Го Ю аж подскочил на месте:

— Ч-что такое, Брат Янь?

— Давай сюда.

Шэнь Янь даже не повернул головы — просто вскинул левую руку и требовательно согнул пальцы.

Го Ю растерялся:

— Что дать?

— Книгу, — безэмоционально ответил Шэнь Янь. — Про то, как председателя ученического совета сдали в ночной клуб.

Го Ю:

«...»

Значит, всё-таки дошло до крайности.

Он с глубочайшим почтением вложил в ладонь Шэнь Яня пухлый том в ярко-жёлтой обложке:

— Язык паршивый, логика отсутствует, но затягивает насмерть.

Насчёт «затягивает» Шэнь Яню было плевать, главное — чтобы председателю ученического совета в тексте досталось по полной программе.

С каменным лицом он принял книгу и принялся листать.

Написано и впрямь было коряво. Главный герой — безнадёжный двоечник — в начале повествования постоянно терпел издевательства от лицемерного, коварного и жестокого председателя.

Шэнь Янь закипал всё сильнее с каждой страницей. И вот, когда сюжет подошёл к моменту, где герой находит Систему исполнения желаний и готовится дать отпор, над ухом раздался голос:

— Шэнь Янь.

Он обернулся. За спиной стоял Чэнь Юйбай — заместитель старосты первого класса и по совместительству действующий глава отдела дисциплинарного контроля.

Чэнь Юйбай протянул ему пакет:

— Это тебе.

Внутри обнаружился флакон йода, пачка ватных палочек и мазь от ушибов.

Шэнь Янь вскинул бровь:

— От кого?

— Считаю это акцией милосердия от ученического совета, — откинулся на дверной косяк Чэнь Юйбай.

С каких это пор ученический совет занимается подобной благотворительностью?

Шэнь Янь нахмурился, собираясь расспросить подробнее, но тут его взгляд упал на крафтовый планшет в другой руке Чэнь Юйбая. На обложке красным иероглифическим шрифтом значилось: «Дневник дежурств».

— А эта штука почему у тебя? — нахмурился Шэнь Янь.

Чэнь Юйбай проследил за его взглядом и приподнял планшет:

— Ты про это? Так он всегда у меня.

—?

«Но он же только что был у Цинь Цзигуя?»

— Цинь Цзигуй проверил ваш класс на вечерней самоподготовке и сразу отдал его мне. Оставшуюся часть смены закрывал я, так что журнал всё время был у меня. А что не так?

Чэнь Юйбай не понимал, к чему эти вопросы, но заметил, как лица всей троицы за задней партой одновременно сделались странными.

Шэнь Янь перевёл дыхание и уточняюще спросил:

— А сколько всего у вас таких журналов?

— Один, — без задней мысли ответил Чэнь Юйбай. — Сейчас как раз отношу его в учебную часть.

Шэнь Янь:

«...»

То есть этот собачий сын стоял за забором и с умным видом что-то там карябал в пустышку?!

Наплёл про отправку записей в учебную часть, развёл его как последнего лоха?!

Посчитал за конченого идиота?!

Шэнь Янь грохнул ладонью по столу, вскочил и рванул к выходу.

Чэнь Юйбай окликнул его:

— Ты куда?

— В первый класс. К Цинь Цзигую.

— Его нет в школе, — лениво бросил вслед Чэнь Юйбай.

Шэнь Янь резко замер и обернулся:

—?

— Он ушёл на курсы по подготовке к олимпиаде по информатике, — пояснил Чэнь Юйбай. — Хорёк выписал ему увольнительную, разрешил пропускать вечернюю самоподготовку и уходить когда вздумается.

Шэнь Янь:

«??»

Хорёком — а точнее, Хуан Шулянем — звали их декана по воспитательной работе. Поскольку тот постоянно величал учеников «цыплятами», за ним закрепилась соответствующая кличка. Дисциплину декан лютовал страшно, и при виде Шэнь Яня у него над головой буквально начинал валить дым от ярости.

Зато к Цинь Цзигую декан питал безграничную слабость.

И этот старый лис, пользуясь слепой любовью Хуан Шуляня, обвёл его вокруг пальца, напугал, заставил торчать в классе, а сам удрал развлекаться?!

Крайне коварный, гнилой и хитрый гад!

Шэнь Янь чуть не лопнул от злости. Сгрёб со стола канцелярский нож и рванул к двери.

Го Ю от ужаса сгрёб его в охапку:

— Брат Янь, остынь! Убийство ничего не решит! Вспомни, завтра у тебя день рождения, а через две недели каникулы! Ради прекрасных семнадцати лет и летнего отдыха — терпи!

Да. Надо терпеть.

Шэнь Янь сжал рукоять ножа и сделал глубокий вдох.

Если он сорвётся сейчас, Цинь Цзигуй тут же донесёт госпоже Сюй, и та нагрузит его десятком дополнительных репетиторов. Тогда нормальной жизни точно конец.

Значит, надо терпеть. Дотерпеть до каникул. Глухая ночь, тёмный переулок, ни души вокруг... И вот тогда один точный удар разрешит все проблемы.

От этой мысли Шэнь Янь вроде бы немного успокоился. Он сел на место, раскрыл жёлтую книжицу и попытался убедить себя, что уступка — путь к умиротворению.

Чэнь Юйбай хмыкнул, будто всё поняв, и неторопливо удалился.

В классе вновь воцарилась тишина, нарушаемая лишь шелестом страниц.

Одна страница, две, три...

Тридцать четыре, тридцать пять, тридцать шесть...

Чёрт! Невозможно терпеть!

Если он прямо сейчас не вытрясет из Цинь Цзигуя всю душу, то просто задохнётся от злости!

Чем больше Шэнь Янь думал об уступке, тем более обделённым себя чувствовал. Нарастающая ярость в конце концов пересилила разум: он сгрёб вещи в рюкзак, закинул его на плечо и стремительным шагом покинул класс.

Чжу Пэн и Го Ю даже ахнуть не успели, как его фигура скрылась за поворотом коридора.

Благодаря длинным ногам Шэнь Янь передвигался быстро. Он привычно перемахнул через забор, миновал тенистую аллею и направился прямо к элитному жилому комплексу.

Шэнь Янь с детства рос избалованным барчуком и в быту был абсолютно беспомощен. Госпожа Сюй, переживая за сына, оставила их старый особняк на другом берегу реки и купила шикарную двухъярусную квартиру в самом дорогом ЖК возле школы, оформив Шэнь Яню дневное обучение, чтобы удобнее было присматривать.

А мать Цинь Цзигуя умерла рано, так что его воспитывали тётя с дядей. Тётя дружила с матерью Шэнь Яня с самого детства, они привыкли жить по соседству, да и парни учились в одной школе, поэтому переехали они вместе.

Один лифтовый холл, две квартиры дверца в дверцу. Если снести несущую стену — получилась бы одна огромная семья.

Раньше Шэнь Янь находил это удобным.

Позже — раздражающим.

А теперь — чертовски практичным.

Например, в такой ситуации можно было прийти раньше и подстеречь Цинь Цзигуя прямо у дверей, лишив его малейшего шанса скрыться.

Если он сегодня не вытянет из Цинь Цзигуя, откуда тот знал про его побег, почему поджидал именно в том месте и с какой стати врал про дежурный журнал, то он согласен писать своё имя задом наперёд!

Шэнь Янь стоял в лифте, закипая всё сильнее. Он понимал: в сегодняшней дуэли проигрывать нельзя ни в коем случае.

Повернувшись к зеркальной двери лифта, он принялся поправлять причёску, то поднимая подбородок, то прищуриваясь, пытаясь подобрать максимально суровое и внушительное выражение лица.

Он чуть повернул голову влево, задрал подбородок, приподнял бровь и едва заметно выгнул уголок губ в холодном оскале. Во взгляде смешались три части ледяного равнодушия, три части насмешки и четыре — абсолютного презрения.

Затем он нарочито ухватился пальцами за воротник, будто ослабляя невидимый галстук, и с легким надменным смешком выдохнул:

— Ха... Мужчина...

Дзинь.

Двери лифта распахнулись.

Прямо перед ним стоял Цинь Цзигуй. Руки в карманах, бровь вопросительно приподнята.

Взгляды скрестились.

Пять секунд звенящей тишины.

Двери лифта начали медленно закрываться обратно.

Шэнь Янь так и застыл на месте с задранной подбородком и пальцами на воротнике.

«Если я прикончу его прямо сейчас... это засчитают за самооборону?»

<http://bllate.org/book/20611/2105847>